

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ БГПУ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМЕНИ А.М. ГОРЧАКОВА

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Материалы XI международной
научно-практической конференции
(Благовещенск, 11-12 мая 2021 г.).

Выпуск 11
Часть 4

Благовещенск
Издательство БГПУ
2021

ББК 66.2 (2Рос) я431 + 66.2 (5Кит) я431
Р 76

Р 76

РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА: материалы XI международной научно-практической конференции (Благовещенск, 11-12 мая 2021 г.). Выпуск 11. Часть 4 / Отв. ред. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. – 134 с.

Редакционная коллегия:

А.А. Барбарич, проректор по научной работе БГПУ;
Н.В. Кухаренко, директор Института Конфуция БГПУ;
Д.П. Волков, директор ЦСИКН Амурской области;
С.В. Кухаренко, директор ИНДАТР;
О.А. Шеломихин, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Друзяка, д-р. ист. наук, доцент;
Д.В. Буяров, канд. филос. наук, доцент;
С.А. Пискунов, д-р ист. наук, профессор;
А.В. Баранов, канд. ист. наук, доцент;
И.Л. Григорьева, канд филол. наук, доцент;
Д.В. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Архарова, канд филол. наук, доцент;
А.А. Киреев, д-р ист. наук, профессор.

В сборник включены доклады преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в XI научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск, 11-12 мая 2021 г.).

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Часть 4 включает материалы секции «Россия и Китай в системе современных международных отношений: глобальные и региональные аспекты взаимодействия».

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

***Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета***

Кузнецов Никита Максимович,
*Кафедра американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет
nmkuznetsov@list.ru*

Цветкова Наталья Александровна, *доктор исторических наук, доктор философии
в области социальных наук, профессор,
Кафедра американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет
ntsvetkova@spbu.ru*

ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ КИТАЯ: СДЕРЖИВАНИЕ СО СТОРОНЫ США

УДК 32.019.5+327

DOI: 10.48344/BSPU.2021.66.69.043

Аннотация. Современная дипломатия данных Китайской Народной Республики (КНР) представляет собой использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) и анализ цифровых данных (Data Mining) социальных сетей для проведения эффективных цифровых кампаний и борьбы с информационной активностью стран-оппонентов. Подобная политика КНР вызывает особую обеспокоенность у американского истеблишмента, традиционно считающего цифровую дипломатию КНР, России и других стратегических оппонентов — угрозой для национальной безопасности США. Авторами констатируется наличие абсолютного единодушия у профессионального сообщества Соединенных Штатов в отношении дипломатии данных КНР. В экспертных статьях звучат призывы к Белому Дому остановить «цифровой колониализм» Китая, а в официальных правительственных отчетах — увеличить финансирование Центра глобального взаимодействия, борющегося с «пагубным влиянием» (*malign influence*) противников. При этом, приоритетным для внешней политики США станет дальнейшее развитие собственной дипломатии данных как для информационного сдерживания стран-оппонентов, так и для увеличения эффективности проектов внешнеполитической пропаганды.

Ключевые слова и фразы: дипломатия данных, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, большие данные, острая сила, мягкая сила, пагубное влияние, Китай, США.

Nikita Kuznetsov,
*Department of American Studies,
Saint Petersburg State University
nmkuznetsov@list.ru*

Natalia Tsvetkova, *Doctor of Sciences (History), Ph.D. (Social and Behavioral Studies), Professor,
Department of American Studies,
Saint Petersburg State University
ntsvetkova@spbu.ru*

DATA DIPLOMACY OF CHINA AND U.S. POLICY OF DETERRENCE

Abstract. Chinese Data Diplomacy applies Artificial Intelligence (AI), Data Mining about foreign Internet users and fighting with malign information activity of opponent countries. Such activity of China causes particular concern among American establishment, which traditionally considers the

digital diplomacy of China, Russia and other strategic opponents as a threat to national security for the United States. The authors conclude the existence of the one vision of the American expert community regarding the data diplomacy of China. Experts' articles call for the US administration to stop the «digital colonialism» of the PRC, and official government reports asking to increase funding of the Global Engagement Center which fights «malign influence» of U.S. opponents. At the same time, the further strengthening of American data diplomacy is stated, both for the information deterrence of the opponents, and for increasing the effectiveness of U.S. projects of propaganda.

Key words and phrases: data diplomacy, digital diplomacy, public diplomacy, big data, sharp power, soft power, malign influence, China, USA.

Дипломатия данных (Data diplomacy¹) – это обособленное направление публичной дипломатии государства, направленное на использование искусственного интеллекта (ИИ) и аналитики «больших данных» (Big Data) для повышения эффективности проектов внешнеполитической пропаганды, борьбы с информационным доминированием стран-оппонентов и реализации иных внешнеполитических задач [5, с. 59]. Подобная активность стала следствием возникновения и популяризации концепции «датафикации» – процесса устойчивого фиксирования цифровых данных интернет-пользователей, позволяющего проводить их анализ для реализации внешнеполитических целей [5, с. 53]. Дипломатия данных стала новым этапом развития цифровой дипломатии, когда государства принялись анализировать расстановку политических сил в социальных сетях, использовать новые методы массового распространения пропаганды, а также блокировать «нежелательный» контент [6, с. 40].

Цифровая дипломатия Китайской Народной Республики (КНР) использует все доступные инструменты информационного влияния на аудиторию [1, с. 78]. Пекин считает технологии искусственного интеллекта главным драйвером развития своей национальной экономики, активно изучает возможности аналитики социальных медиа и продолжает развивать проекты в области публичной дипломатии для влияния на зарубежную аудиторию [3]. Подобная активность вызывает опасения у США, где КНР традиционно считается одной из главных «угроз национальной безопасности» [12].

Цель данной статьи – выявить основные положения американского политического и академического дискурсов относительно дипломатии данных КНР. Методологическую базу исследования составляют анализ официальных правительственных документов, дискурс-анализ публикаций экспертного сообщества США, а также методы анализа социальных сетей (при помощи компьютерного софта, анализирующего Big Data). Результаты демонстрируют, что США весьма озабочены цифровой активностью КНР и намерены сдерживать ее влияние.

Стоит отметить, что цифровая дипломатия Пекина имеет особую специфику. В Китае официально запрещено действие общемировых социальных сетей и web-ресурсов, таких как Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, мессенджер WhatsApp и др. Интернет-пользователи обходят запреты при помощи специального компьютерного софта, однако наиболее популярными ресурсами являются китайские аналоги, которые тщательно контролируются руководством страны – WeChat (социальная сеть, имеющая до 1,17 млрд активных пользователей в месяц), Sina Weibo (китайский аналог Facebook), мессенджер QQ и др. При этом дипломатические представительства КНР в различных странах активно используют все доступные каналы распространения информации, например: Посольство в США имеет успешный блог в социальной сети Twitter, Посольство во Франции – в Facebook, Посольство в России – в социальной сети «ВКонтакте» и т.д. Период цифровизации прошли и классические инструменты «мягкой силы» Пекина – каналы международного вещания. Китаем активно создаются

¹ Подробнее о возникновении термина см. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С.27-44.

информационные сайты и новые телерадиоканалы, увеличивается число иностранных языков вещания. Информационное агентство Xinhua, издание China Daily, канал CCTV и другие международные китайские СМИ широко представлены во всех социальных сетях.

Отмечается, что в задачи китайской цифровой дипломатии входят: создание уникального национального бренда КНР и ее руководства (личный образ Си Цзиньпина уже стал отдельным направлением публичной дипломатии Китая), искоренение мифа о «китайской угрозе», продвижение китайского языка, культуры и политической повестки дня [2, с. 44; 4, с. 582]. Если провести контент-анализ англоязычных каналов нововещания КНР в социальной сети Twitter посредством программы NVivo, которая позволяет изучать «большие данные», то можно увидеть, что ключевыми словами публикаций являются «China», «Province», «Chinese», а продвигаемыми хэштегами – #Covid (выбившийся в лидеры из-за пандемии коронавируса), #GlamorChina, #SpringFestival, #ChinaStory и #China, что демонстрирует приоритетное значение продвижения государственного имиджа и освещения новостей Поднебесной в информационной политике КНР (см. Рис. 1).

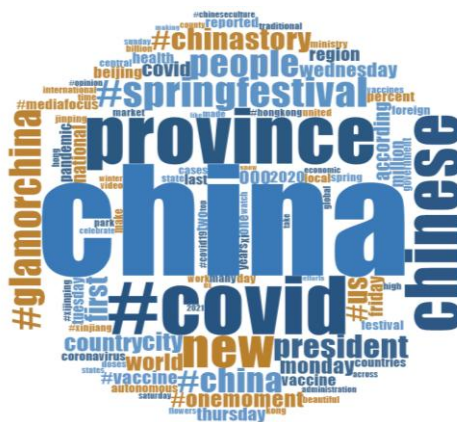

Рис.1. Ключевые слова и хэштеги публикаций новостных каналов КНР в социальной сети Twitter

Однако, в США не считают «мягкую силу» основой внешнеполитической активности Китая. В 2018 г. американский политолог и автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най опубликовал статью в журнале Foreign Affairs под названием «Как острая сила угрожает мягкой силе». В ней известный теоретик власти констатирует возникновение новой стратегии внешнеполитического влияния, которую он называет «острая сила» (sharp power). По его мнению, «острая сила» стала основой внешней политики Китая (а также России) и направлена на дестабилизацию «демократических государств». Автор подчеркивает, что sharp power не направлена на вовлечение аудитории в свою повестку дня, а является комплексом инструментов, сочетающих в себе как «классические механизмы пропаганды», так и совершенно новые способы влияния – хакерские атаки на государственные базы данных, распространяющие выгодную информацию чат-боты, критикующие демократические институты «армии интернет-троллей», фейковые новости и т.д. [11].

«Информационным сдерживанием» (information deterrence) Пекина занимается «Отдел Китая» Центра глобального взаимодействия (Global Engagement Center) Госдепартамента США. Отдел GEC China тесно сотрудничает с Бюро по делам Восточной Азии и Тихого океана, Министерством обороны, и «международными партнерами США» для разработки глобальной стратегии по противодействию «китайской дезинформации и пропаганде» [16, с. 75]. Центр глобального взаимодействия стремится «повысить понимание пропаганды и дезинформации Китая для принятия осознанных решений», повысить «устойчивость к дезинформации и пропаганде гражданского общества» и, на фоне этого, «создавать и усиливать

положительные сообщения о США» [16, с. 75]. Центр аккумулирует данные об информационных кампаниях КНР, занимается блокировкой «вредоносного контента» и поиском источников информации, спонсируемых Пекином, а также задействует ИИ, чат-ботов и иные технологические возможности для создания эффективной контрпропаганды, охватывающей миллионы интернет-пользователей. Информационная активность КНР (наряду с Россией) обозначается в официальных документах США как «пагубное влияние» (malign influence) [17, 18]. В 2020 году Центр глобального взаимодействия получил 59 млн долл. финансирования. В 2021 году эти показатели будут увеличены более чем в два раза и составят уже 138 млн долл. [16, с.74].

Сдерживание Пекина от влияния на аудиторию азиатских стран осуществляется посредством распространения проамериканской информации через интернет-проекты и каналы международного вещания («Радио Свободная Азия», «Голос Америки»). В 2020 г. Агентство США по глобальным медиа (U.S. Agency for Global Media), руководящее американским инновационным вещанием, получило рекордные 810 млн долл. финансирования [16, с. 244]. Критика китайской политики в области прав человека, религиозных свобод и иных аспектов внутренней и внешней политики – основной контент подобных ресурсов, что официально закреплено в отчетах Агентства по глобальным медиа [19, с. 28]. Анализ англоязычного аккаунта «Радио Свободная Азия» в социальной сети Twitter демонстрирует, что в новостной повестке дня отсутствуют новости о США, в то время как Китай (описываемый в негативном ключе) занимает приоритетную позицию. Ключевыми в публикациях являются слова «China», «Chinese», «Hong Kong», «Military», «Police», «Human Rights» и др. (см. Рис. 2.)

Рис.2. Ключевые слова публикаций американского новостного ресурса «Радио Свободная Азия» в социальной сети Twitter

Наконец, развитие гражданского общества в КНР, поддержка образовательных и культурных проектов США традиционно занимают приоритетное значение в проводимой Вашингтоном политике сдерживания. В 2020 г., согласно отчетам Консультативной комиссии по публичной дипломатии США и Агентству по международному развитию США, на «китайское направление» американской культурной дипломатии было потрачено порядка 10 млн долл., а на развитие гражданского общества в КНР – порядка 29 млн долл. [15; 16].

Становление дипломатии данных Китая вызвало особую реакцию в США [6, с. 37]. В 2017 г. Государственный совет КНР выпустил «Программу развития искусственного интеллекта нового поколения» – рубежный документ для концептуализации публичного подхода Пекина к развитию ИИ [20]. Руководство Китая заложило 22,5 млрд долл. финансирования на развитие искусственного интеллекта, и более 150 млрд долл. на развитие смежных с ним отраслей. В планах Китая стать мировым лидером в области ИИ и новых технологий уже к 2030 г. [7]. Политолог Эльза Каниа в своей статье «Искусственный интеллект и китайская

сила» для журнала *Foreign Affairs* называет Китай новым «мировым центром искусственного интеллекта» [10]. Основная опасность, считает исследователь, кроется в открытом желании руководства страны задействовать ИИ не в проектах публичной дипломатии, а в военной сфере. Политолог отмечает, что в течение многих лет Китай «внимательно следил за прогрессом Соединенных Штатов» и разрабатывал свои «космические и кибернетические» технологии, которые «знают уязвимые места вооруженных сил США». Поэтому, продолжает Каниа, в настоящее время Народно-освободительная армия Китая внедряет инновации в свои технологии, и искусственный интеллект является главным из них [10]. Кэтрин Ашбрук из Школы управления им. Дж. Ф. Кеннеди Гарвардского университета в своей статье «От цифровой дипломатии к дипломатии данных» называет инвестиции в разработку искусственного интеллекта КНР «огромной опасностью для мира», ведь крупнейшим «сравнительным игроком» являются США, где общий объем инвестиций в ИИ достигает «всего» 4,9 млрд долл. [8].

В 2018 г. было объявлено, что министерство иностранных дел КНР тестирует специализированные алгоритмы по аналитике «больших данных» для проектирования своих действий на мировой арене [9]. Анализ цифровых данных (*Data Mining*) является главным инструментом дата-дипломатии ведущих государств мира, и Китай не стал здесь исключением [6, с.32]. *Data Mining* используется для понимания мнений и взглядов зарубежных интернет-пользователей, поиска ключевых спикеров из числа лидеров мнений, выстраивания эффективных информационных кампаний и т.д. Однако, США видят огромную угрозу в аналитике *Big Data* китайским правительством. По мнению американских экспертов, результаты обработки «больших данных» о противниках КНР (в первую очередь, здесь подразумеваются США) помогают Пекину выйти на «новый уровень своего военного развития» [10]. Использование методов сбора и анализа информации об интернет-пользователях государств Азии, Европы и Африки называется в США «цифровым колониализмом», делающим Пекин «лидером по информированности» о потребностях зарубежной аудитории [8].

Борьба с цифровой дипломатией стран-оппонентов – еще одно направление дипломатии данных КНР. Крупные социальные сети Китая (в частности, *Sina Weibo*) тщательно следят за контентом, который распространяется зарубежными источниками [7]. Китайские соц-сети не только удаляют вредоносные записи, но и используют более изощренные методы: отключают возможности делиться записью или возможности комментирования. Причина таких действий: критика китайских властей западными дипломатами, продвижение «выгодных новостей» и т.д. Стоит отметить, что подобная политика применяется исключительно к негативной информации, вызывающей соответствующую реакцию у руководства КНР. Например, *Weibo*-аккаунт Посольства России имеет аудиторию в 350 тыс подписчиков и входит в число наиболее популярных аккаунтов зарубежных диппредставительств в Поднебесной [14]. Для США, в чьем арсенале цифровой дипломатии уже многие годы находятся информационная поддержка оппозиции, критика официальных властей и освещение существующих в зарубежном обществе проблем населения, разумеется, подобная политика Пекина вызывает раздражение [6, с.31]. Согласно отчету *Weibo diplomacy and censorship in China*, проведенному политологом Фергусом Райеном, социальная сеть *Sina Weibo* немедленно удаляет около 7% публикаций Посольства США и 53% комментариев к ним. Автор утверждает, что только в период с ноября 2017 г. по январь 2018 г. *Sina Weibo* удалила 28 публикаций американского посольства [13].

Таким образом, политика США в отношении дипломатии данных КНР довольно прозрачна и подробно изложена как в статьях американских экспертов, так и в официальных правительственных документах.

Вашингтон видит огромную опасность в развитии и использовании Китаем искусственного интеллекта. «Мягкая сила» как комплекс инструментов для создания устойчивого и позитивного государственного бренда, по мнению американского истеблишмента, уже давно не является ключевой стратегией внешнеполитического влияния КНР. В США полагают, что

именно «острая сила», способная дестабилизировать западные демократические институты, а также дипломатия данных, позволяющая Пекину разоблачать враждебные информационные источники, блокировать их контент и усиливать собственное влияние в мире, стали основой внешней политики Китая. В официальных правительственных документах информационная деятельность Пекина называется «пагубным влиянием», с которым должен бороться специально созданный в структуре Государственного департамента США Центр глобального взаимодействия.

Можно констатировать, что США продолжают развитие собственной дипломатии данных. Финансирование Центра глобального взаимодействия, каналов международного вещания, проектов культурной и цифровой дипломатии будет нарастать, а использование аналитики Big Data, задействование искусственного интеллекта и иных технологических возможностей для распространения массивов пропаганды и сдерживания информационных потоков Китая и других стран-оппонентов останутся приоритетным направлением внешней политики США.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой // Современные востоковедческие исследования. 2019. №3. С.77-81.
2. Инь Сымын, Цветкова Н.А. Место и роль личного образа Си Цзиньпина в публичной дипломатии Китая // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 44-48.
3. Ковачич Л.А. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход // Московский Центр Карнеги — Фонд Карнеги за международный мир. 07.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/rupub-82172> (Дата обращения: 10.03.2021).
4. Кривожиж С.В. Публичная дипломатия с китайской спецификой: чем может быть полезен опыт Пекина // Россия и Китай: история и перспектива сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции. 2016. С.581-583.
5. Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии // Актуальные вопросы мировой политики.2020. С.52-64.
6. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4.С.27-44.
7. Шариков О. Weiplomacy: цифровая дипломатия в китайском интернете // РСМД. 25.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/shakirov/weiplomacy-tsifrovaya-diplomatiya-v-kitayskom-internete/> (Дата обращения: 10.03.2021).
8. Ashbrock C. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy // International Politics and Society. 14.01.2020. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.ips-journal.eu/regions/global/from-digital-diplomacy-todata-diplomacy-3993> (Дата обращения: 10.03.2021).
9. Chen S. Artificial intelligence, immune to fear or favour, is helping to make China's foreign policy // South China Morning Post. 30.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2157223/artificial-intelligence-immune-fear-or-favour-helping-make> (Дата обращения: 10.03.2021).
10. Kania E. Artificial Intelligence and Chinese Power // Foreign Affairs. 05.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-12-05/artificial-intelligence-and-chinese-power> (Дата обращения: 10.03.2021).
11. Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs. 24.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (Дата обращения: 10.03.2021).

12. O'Brien R.C. How China Threatens American Democracy // Foreign Affairs. 21.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-10-21/how-china-threatens-american-democracy> (Дата обращения: 10.03.2021).
13. Reun F. Weibo diplomacy and censorship in China // Australian Strategic Policy Institute. 29.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspi.org.au/report/weibo-diplomacy-and-censorship-china> (Дата обращения: 10.03.2021).
14. Weibo-account of Russian Embassy. [Электронный ресурс]. URL: https://weibo.com/ezhuhua?is_all=1 (Дата обращения: 10.03.2021).
15. U.S. Agency for International Development. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://explorer.usaid.gov/#2020> (accessed 10.03.2021).
16. U.S. Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wp-15-content/uploads/2021/02/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf (Дата обращения: 10.03.2021).
17. U.S. Efforts to Counter Russian Disinformation and Malign Influence. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-maligninfluence> (Дата обращения: 10.03.2021).
18. U.S. Global Engagement Center Special Report. Pillars of Russia's Disinformation and Propaganda Ecosystem. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.state.gov/wpcontent/uploads/2020/08/Pillars-of-Russia's-Disinformation-and-PropagandaEcosystem_08-04-20.pdf (Дата обращения: 10.03.2021).
19. U.S. Global Media Agency Annual Report. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/08/USAGM-AR-2018-final.pdf> (Дата обращения: 10.03.2021).
20. 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知 [State Council on Printing and Distributing Notice of the new generation of artificial intelligence development plan]. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (Дата обращения: 10.03.2021).

